

Философия настоящего

Джордж Герберт Мид

С Е Р И Я

С О Ц И А Л Ь Н А Я

Т Е О Р И Я

В Ы С Ш А Я

Ш К О Л А

Э К О Н О М И К И

Джордж Герберт Мид

Философия настоящего

Серия «Социальная теория»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12204507

*Философия настоящего [Текст] / под ред. А. И. Мерфи: Высшая школа экономики; Москва; 2014
ISBN 978-5-7598-2842-6*

Аннотация

Первое полное издание на русском языке книги одного из столпов американского прагматизма, идеи которого легли в основу символического интеракционизма. В книге поднимаются важнейшие вопросы социального и исторического познания, философии науки, вопросы единства естественно-научного и социального знания (на примере теорий относительности, электромагнитного излучения, строения атома и теории социального поведения и социальности). В перспективе новейших для того времени представлений о пространстве и времени автор дает свое понимание прошлого, настоящего и будущего, вписанное в его прагматистскую концепцию опыта и теорию действия.

Книга представляет интерес для специалистов по философии науки, познания, социологической теории и социальной психологии.

Содержание

Предисловие	5
Введение	8
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джордж Герберт Мид

Философия настоящего

The PHILOSOPHY of the PRESENT

GEORGE HERBERT MEAD

Перевод с английского Владимира Николаева, Василия Кузьминова

В оформлении обложки использован фрагмент картины Брайса Мардена (Brice Marden) Avrutun. 1971.

Предисловие

В этом томе содержится материал, из которого должна была вырасти «Философия настоящего» м-ра Мида. Ни одна его часть, кроме двух последних дополнительных очерков, не предназначалась для публикации в том виде, в каком она здесь представлена. Первые четыре главы – это Карусовские лекции, прочитанные на съезде Американской философской ассоциации в Беркли в декабре 1930 г. Они не задумывались как что-то большее, нежели частичное изложение более масштабного проекта. К сожалению, м-р Мид, занимая пост заведующего отделением философии в Чикагском университете, вынужден был посвятить время, зарезервированное им на завершение этих лекций, неожиданным и беспокойным административным делам. Ввиду этого обстоятельства, лекции были написаны в спешке, в значительной мере во время поездки из Чикаго в Беркли, и у него не было возможности непосредственно после выступления приступить к тем исправлениям, которые он собирался внести. К концу января он серьезно заболел и через несколько недель умер. В том виде, в каком лекции опубликованы здесь, они содержательно точно соответствуют тому, как они прозвучали в Беркли; однако весь текст был отредактирован, а вторая лекция разделена на две части, ставшие первой и второй главами. Все сноски были добавлены к оригинальной рукописи редакто-

ром.

После кончины м-ра Мида среди его бумаг были найдены еще две рукописи, явно представлявшие собой предварительные наброски Карусовских лекций. Они охватывают по большей части те же темы, что и лекции, но каждая содержит важный дополнительный материал. Первые три дополнительных очерка были отобраны из этих рукописей. Во втором сохранились две параллельные версии анализа. Трудность объяснения, видимо, указывала на желательность такого повторения. Заглавия к этим очеркам были добавлены редактором. Четвертый очерк перепечатывается из Ученых записок VI Международного философского конгресса, а пятый – из апрельского номера «Международного журнала этики» за 1925 г. В каждом из них представлен какой-то существенный аспект теории м-ра Мида, не отраженный в достаточной степени в самих лекциях.

Те, кто знали м-ра Мида по преподаванию, остро почувствуют всю неполноту этого представления его философии. Сам он постоянно, пока мог, перестраивал свою теорию в свете «эмерджентного» материала. Когда я последний раз разговаривал с ним, а было это за неделю до его кончины, он работал с книгой Бергсона «*Duree et simultaneite*», пытаясь связать ее со своим описанием относительности в третьей главе. Тем не менее важность этого материала – состоящая как в описании развития социального опыта и научной гипотезы, так и в наброске более широкой теории, в направлении

которой он двигался, — видимо, полностью оправдывает его публикацию в том единственном виде, в котором его теперь можно сделать доступным нам.

Я глубоко признателен моему коллеге профессору Блейку и мисс Натали Уошберн за их любезную помощь в подготовке рукописи к печати. Указатель к книге подготовлен м-ром Ф.К. Баллейном.

Артур И. Мерфи

Провиденс, шт. Род-Айленд

Апрель 1932 г.

Введение

В названии, выбранном м-ром Мидом для этих лекций, – «Философия настоящего» – есть поучительная двусмысленность. Термин «настоящее» не относится здесь непосредственно к нынешней ситуации в философии, скорее он относится к статусу любого объекта, когда он нам является и пока он нам является. Если все существующее в некотором подлинном смысле временно (а с этим, похоже, согласятся сегодня многие философы), то точку его опоры в реальности мы обнаруживаем в том настоящем, в котором оно не просто было или будет, но действительно есть, в полном и категоричном смысле. В темпоралистской философии времена глагола «быть» должны приниматься всерьез, и теория м-ра Мида есть, помимо всего прочего, философия природы в настоящем времени. Она стремится понять мир как сосредоточенный в настоящем и локализовать прошлое и будущее, значения и возможности в их функциях по отношению к нему. Так, увидеть прошлое как прошлое – значит увидеть его, когда оно истекло относительно настоящего, прошлым которого оно является. То, чем оно или что-то еще претендующее на существование могло бы быть независимо от своей временной соотнесенности, эмпирически исследовать невозможно, а если м-р Мид прав, то и не нужно.

Вместе с тем философия бытия в настоящем есть также,

в совершенно реальном смысле, философия наших современников. «Процесс», «развитие» и «возникновение» стали в новейшей мысли модными словечками, и хотя сегодня эти веяния уже не так сильны, как десять или даже пять лет тому назад, они все еще представляют для нас главенствующую тему. Лекции м-ра Мида вряд ли займут место в кругу самых популярных проявлений «духа времени», но дают нам необычайно пытливый и самостоятельный анализ его основных тенденций. Здесь мы находим темпоралистскую философию, берущую на себя интеллектуальную ответственность. Те, кто «принимают время всерьез», найдут в ней продуманную и последовательно темпоральную точку зрения для определения того, какой вклад в нынешней философской ситуации может внести «философия настоящего» в конструктивную и согласованную теорию реальности.

1

В этой теории есть три взаимосвязанных тенденции, каждая из которых играет свою особую роль в целостном взгляде. Постановка самой проблемы и многие из характерных линий ее развития определяются прагматической теорией знания, которую Мид отстаивал в своих прежних работах и которая здесь, после краткой переформулировки (с. 46–47 наст. изд.), берется за основу для всего, что последует дальше. Ее влияние очевидно (1) в установлении философских

альтернатив, между которыми должен быть сделан выбор, и (2) в месте, отводимом «опыту» как конечному референту всех притязаний на знание.

(1) По Миду, целое множество традиционных теорий, укорененных в ложной эпистемологии, интерпретируют объекты, к коим отсылает знание, так, что помещают их «вне опыта», не просто в том тривиальном смысле, что считают их чем-то иным, нежели «непосредственными данными сознания», а в «метафизическом» смысле исключения из их перманентной и автономной реальности существенных свойств этого мира общего опыта, в котором имеют место эксперимент и верификация. Когда такие объекты возводятся в ранг уникальных объектов познания, опыт, отпадая от такой реальности, становится «всего лишь видимостью», и экспериментальное удостоверение, которое фактически могут получать наши идеи, становится нерелевантным для той трансцендентной достоверности, на которую они предположительно претендуют. В противоположность всем таким теориям, прагматисты сочли, что знание относится не к «предшествующей» или «конечной» реальности, а к направлению активности в совместном опыте и к объектам, поскольку они организуют такую активность вокруг значимых целей совместного действия. Например, в критике Миды, обращенной против пространства-времени как «метафизической» реальности, читатель увидит, что этот известный вопрос он внес в философию науки без существенного из-

менения базовой дихотомии.

(2) М-р Мид настаивает, что взгляд второго типа должен защищать свое верховенство, утверждая, что сам опыт – как просто «наличествующий», «имевший место» или обладаемый – не имеет дальнейшей референции, что в статусе опыта как такового нет значимой философской проблемы. А так как сознание с его использованием идей и значений заключает в себе такую проблематичную референцию, то м-р Мид утверждает далее, что сознание есть развитие в сфере опыта, а не финальная и все содержащая в себе форма нашего отношения к нему. Этот более широкий опыт – мир, который просто «есть в наличии» и в отношении которого не возникает проблемы внешней или трансцендентной референции – является основополагающим для взгляда м-ра Мида и повсеместно им полагается.

Прагматизм как философия обычно стимулировал своих приверженцев действовать в двух направлениях. Во многих случаях первостепенным был полемический интерес; здесь предмет пристального внимания стали грехи и «псевдопроблемы» эпистемолога. Вряд ли будет несправедливо заметить, что хотя эта критика сыграла важную роль в некоторых старых спорах, сама по себе она остается все же слишком замкнутой на тех самых проблемах, правомерность которых она отрицает, обещая предложить что-то лучшее для будущего. Но когда прагматисты перенесли свою воодушевленность опытом на факт как таковой и привлекли внимание

к детальной структуре некоторых объектов знания, вклад их был выдающимся. Именно этим конструктивным прагматизмом и был в первую очередь озабочен м-р Мид. Его подход к специальным проблемам социальной психологии и истории научных идей вообще не был подходом философа, ищущего боеприпасы для подкрепления какого-то особого тезиса; это был подход скрупулезного и оригинального исследователя, видящего предмет в его конкретных деталях и позволяющего ему поведать свою историю.

Эта вторая тенденция в его мысли особенно ярко проявляется в его преданности «исследовательской науке» и тем объектам и методам, которые она предполагает. Он настолько решительно настаивает, в пик феноменализму и релятивизму, на том, что материальные объекты, используемые в физическом эксперименте, нельзя ни свести к чувственным данным, ни проигнорировать как простые видимости, что это требует защиты от подозрений, будто он «гонится за удовольствиями материализма» (с. 191). При обсуждении научных объектов в третьем дополнительном очерке им движет вовсе не материализм, а здравый смысл, соединенный со здоровым уважением к деталям процесса физического открытия, в противоположность огульным обобщениям. И его работа в области социальной психологии представляет уникальную ценность как вклад в социальные науки совершенно независимо от любой конкретной философской интерпретации, которую ей можно было бы дать.

Третий и, наверное, главный элемент этих лекций не вытекает, однако, ни из прагматизма, ни из исследовательской науки, а составляет часть той философии природы, которая, несомненно, будет считаться оригинальным вкладом англо-американской философии 1920-х годов. Книга «Пространство, время и божество» Александера стала пионерской работой в этом переходе от проблем познания – «реализма», «прагматизма» и «субъективизма» – к размышлениям о пространстве и времени и, в конце концов, к метафизике и категориям. Развитие философии Уайтхеда от ее ранней озабоченности «чувственными данными» и логическими конструкциями – через «Понятие природы», с его «объектами» и «событиями», – к смелым размышлениям, содержащимся в «Процессе и реальности», ярко резюмирует тенденции этого периода. И принципы этого развития совершенно естественны. Различные теории знания, бывшие фазами «бунта против дуализма», стремились так или иначе объективировать те черты опыта, которые дуалистическая философия рассматривала как сугубо субъективные. Это означало, что то, что до сих пор размещали в «разуме», должно теперь найти свое место в «природе» и что природа должна быть соответствующим образом реконструирована. И наконец, при распространении относительности на объективный мир от критицизма потребовались такие понятия, как «перспектива», «временная система», «социальность» и т. п., чтобы показать, как эти понятия, очищенные от их сугубо субъек-

тивных коннотаций, могут занять место в системе категорий в качестве вездесущих характеристик реальности. «Философия настоящего» – важный вклад в это великое начинание.

Ясно выраженное намерение этой поздней фазы философии м-ра Мида состоит в том, чтобы показать, что «социальный и психологический процесс – это всего лишь случай того, что происходит в природе, если природа есть эволюция». Принципы прагматизма ни в коем случае не отбрасываются, но обобщаются, чтобы включить весь процесс эволюции, и внутри этого более общего развития отличительно человеческие, или сознательные, стороны «социальности» и относительности понимаются как особые случаи процесса, охватывающего собой всю природу.

Старые проблемы здесь проявляются снова, но иначе. Поверхностно мыслящий читатель, возможно, найдет в первой главе лишь возрождение памятного спора о нашем знании прошлого. На самом же деле эта теория имеет основания не в специальных требованиях познания или верификации, а в том, что значит быть прошлым, и в статусе эмерджентности и новизны в естественных процессах. Наиболее оригинальная черта этих лекций – смелое привнесение «социального» в то, что является по крайней мере философией природы и, если такое название не покоробит прагматиста, может быть также названо метафизикой.

Жаль, что м-р Мид в силу своей кончины не довел до конца проект, к которому третья и четвертая главы являются в

лучшем случае наброском. Можно ли было последовательно довести его до конца, оставаясь в пределах прагматистской теории знания, – тоже вопрос. Мне лично представляется, что «социальность», как и «чувствование» у Уайтхеда, является по существу слишком субъективной категорией для той метафизики процесса, которая их обоих заботила. Однако Мид, как и Уайтхед, и Александер, первым ступил на эту территорию изменения и относительности, которую философия сегодня определенно должна освоить, и его карта этой страны, какой бы она ни была по необходимости неполной, вполне может обрести непреходящую ценность для тех из нас, кто последует, пусть и менее авантюрно, тропами, которые он нам открыл.

2

Содержание лекций можно разделить следующим образом. В них есть теория о природе времени и эмерджентности, теория об относительности и ее социальных импликациях, а также их синтез в теории эмерджентности как социального и социальности как характеристики эмерджентной эволюции. В этом разделе и в двух следующих мы рассмотрим эти темы по порядку.

Настоящее должно быть принято как локус реальности. Это означает, я полагаю, что рассматривать что-то как реальное значит рассматривать его как существующее в настоящем или в связи с настоящим. Каков же тогда по отношению к любому настоящему статус его прошлого? Это не во-

прос о том, чем оно было, когда было настоящим, ведь тогда оно не было прошлым и не находилось в этом отношении, благодаря которому оно приобретает статус прошлости. Прошное некоторого события – это не просто предшествующее настоящее. Таков основной тезис лекций м-ра Мида, но он не часто получает настолько ясное выражение, как в следующей формулировке: «Когда кто-то вспоминает дни своего детства, он не может войти в них так, как он был в них тогда, вне их связи с тем, чем он стал; а если бы он смог это сделать, т. е. если бы смог воспроизвести опыт так, как он имел место тогда, то он не смог бы его использовать, ведь это предполагало бы, что он не пребывает в том настоящем, в котором это использование должно происходить. Вереница настоящих, внятно существующих как настоящие, никогда не образовала бы прошлого» (с. 73).

Отличительная характеристика прошлого в его связи с настоящим – это явно его неотменяемость. Как обуславливающее настоящее, как делающее возможным его появление прошлое должно быть уже определенным. Оно выражает устойчивое условие, которому настоящее должно соответствовать и без которого оно не могло бы стать таким, какое оно есть. И это означает не просто предшествующее происшествие, а причинную детерминацию, или, как склонен говорить м-р Мид, «продолжение связей». Прошное – это то, из чего настоящее выросло, и неотменяемость (здесь можно было бы сделать отсылку к Канту), имеет критическое зна-

чение для такого обусловливания.

И все же к этому продолжению идентичных связей дело никогда не сводится. Доктрина эмерджентности побуждает нас считать, что настоящее есть всегда в каком-то смысле новое, внезапное нечто, не детерминированное полностью тем прошлым, из которого оно выросло. Настоящее, если в нем вообще реально есть новизна, будет содержать в себе элемент темпоральной и каузальной прерывности. Новейшая квантовая физика научила нас думать, что такая неопределенность вполне согласуется со строгим физическим анализом (с. 59). Но как возможно примирить эту новизну с научным детерминизмом?

Ответ на этот вопрос устанавливает основополагающие принципы теории. Ни до того как появиться, ни в момент своего появления эмерджентное не вытекает из прошлого. Это прошлое, относительно которого оно было новым, нельзя сделать содержащим его. Но после того как оно уже появилось, мы пытаемся реконструировать опыт в его терминах; мы изменяем нашу интерпретацию и пытаемся помыслить прошлое, из которого следует упорствующий элемент, и устранить тем самым прерывный аспект из его нынешнего статуса. Стало быть, его внезапность устраняется новой точкой зрения, новым множеством законов, исходя из которых условия нашего нового настоящего могут быть поняты. Эти законы не могли быть частью любого прежнего прошлого, ведь в настоящих, относительно которых существовали

эти прошлые, не было такого эмерджентного элемента. Допускать одно-единственное определенное прошлое, с которым каждое настоящее должно полностью соотнобразовываться, значит полностью отрицать эмерджентность. Но в то же время толковать эмерджентное как постоянно чуждый и иррациональный элемент значило бы оставить его абсолютной загадкой. Оно может быть рационализировано *post factum*, в новом настоящем, и в прошлом этого настоящего оно вытекает из предшествующих условий там, где прежде оно не вытекало вообще. Таким образом, как условие настоящего прошлое будет меняться в зависимости от меняющегося настоящего, и в ходе эволюции «позади нас будут вырастать» новые прошлые, поскольку каждое настоящее «выделяет и в каком-то смысле отбирает то, что сделало возможной его специфику» (с. 65).

Есть ли какое-нибудь противоречие между этой новизной прошлого и его принципиальной неотменяемостью? Никакого противоречия, ведь они относятся к прошлому в разных смыслах. Неотменяемое прошлое – это прошлое любого данного настоящего, то, которое отвечает за его появление. Его определяющие условия будут в идеале, если не действительно, целиком определяемыми в настоящем, с которым оно соотносится. Но когда возникает новое настоящее, вместе с эмерджентными фактами, которые не содержались реально в прежнем настоящем, его определяющие условия и, следовательно, его прошлое с необходимостью будут иными.

Итак, детерминизм относится к прошлому, предполагаемому в любом настоящем, а эмерджентность в связи с одним из таких настоящих, имеющим свое прошлое, – к другому прошлому.

У этой гипотезы, по мнению Мида, есть два основных преимущества. Во-первых, она объясняет установку ученого-исследователя по отношению к описываемым данным – установку, которая в противном случае совершенно парадоксальна. Законы любой науки в каком-то смысле реконструируют прошлое, из которого выросли данные ей элементы. В установление прочных законов закладывается много допущений, и для ученого предположить, что настоящее не вытекало из прошлого в рамках установленных им законов, значит отрицать их адекватность интерпретируемым в них данным. Коль скоро это касается любой области, наука стремится быть детерминистской. Вместе с тем это «вытекание» настоящего из прошлого целиком соотносится с данными, на которых базируется интерпретация, и ученый невозмутимо ждет новой интерпретации и, стало быть, нового прошлого, соотносящегося с эмерджентными данными, которые принесет ему будущее. И это сочетание относительного детерминизма с будущей реконструкцией, присутствующее у ученого-исследователя, относится, согласно этой теории, также и к природе, которую он описывает.

Во-вторых, этот взгляд гармонирует с внезапным появлением новизны в опыте и реорганизацией опыта в ее термини-

нах. Этой теме посвящен второй дополнительный очерк. Даже те, кто самым безжалостным образом делят природу надвое, должны признать, что в опыте данные могут появляться как элементы, вторгшиеся в мир, в котором, при его нынешней конституции, для них места нет. Они находятся в противоречии с этим миром, как он в данный момент интерпретируется, и ставят проблему для реконструкции. Толковать мир исключительно в терминах обуславливающих объектов, которые данный период выделил как постоянную основу становления, значит списать новизну на всего лишь субъективный опыт. Однако в случае данных, релевантных его проблемам, ученый не производит такого раздвоения. Скорее он относится к данным как к предварительно выделенным в мире, который в данный момент их не объясняет, но претендующим на принятие в реконструированный мир, которое может сделать отвергавшиеся ранее факты самой сердцевиной его интерпретации. Так, например, обстояло дело со статусом эксперимента Майкельсона – Морли сначала по отношению к классической механике, а затем в теории относительности. Внутри опыта непрерывно возникают новые объекты, и новое настоящее переориентирует устоявшиеся условия прежней эпохи в свете своих открытий. И если прошлое есть эта переориентация установившихся условий по отношению к данным настоящего, то прошлое эмпирически меняется по ходу эволюции. Это эмпирическое описание было частью философии м-ра Мида многие годы. Но-

визна настоящего объяснения вырастает из его соответствия структуре временной реальности как таковой, т. е. связи детерминирующего прошлого с эмерджентным настоящим.

В этом пункте читатель, по всей вероятности, возразит, что здесь явно изменяется всего лишь наше видение, или интерпретация прошлого. Само по себе прошлое, разумеется, не изменяется оттого, что мы стали по-новому на него смотреть. Но именно это различие весь анализ м-ра Мида и пытается преодолеть. Для темпоралистской философии прошлое «само по себе» – не прошлое вообще; основанием его прошлости является его связь с настоящим. И эмпирически эта связь является каузальной. Если становление реально, то эта каузальная связь никогда не бывает такой, чтобы при этом исключалась эмерджентность. Когда проявляется эмерджентность, из нее вытекает новая перспектива прошлого, новая соотнесенность – соотнесенность, являющаяся для новой ситуации естественным фактом, хотя она никогда не могла явить себя в прошлом. И новым здесь оказывается как раз то, как нечто, бывшее в былом настоящем просто новым и внезапным, стало частью мира каузальных объектов и, следовательно, частью прошлого, через которое они оказывали, как предполагается, свое воздействие. Эта связь реальна, и порождаемое ею перспективное прошлое, прошлое нового настоящего, есть реальное прошлое этого настоящего, и только для какого-то настоящего прошлое вообще может быть реальным.

Наиболее объективную версию этого тезиса м-ра Мида мы находим во второй главе – в противопоставлении прошлого, соотнесенного с настоящим, и прошлого как абсолюта. Он утверждает, особенно в критике Александера, что прошлое, которого требует физика, есть лишь выражение тождественных связей в природе, а не предшествующая среда, существующая сама по себе и порождающая в своем обособленном бытии всю последующую реальность. Пространство-время в метафизике Александера представляет собой, видимо, математическую структуру, извлеченную из связи с интерпретируемыми ею физическими данными и ставшую, во всей ее абстрактной независимости, метафизической матрицей, из которой должны каким-то образом выводиться все тонкости природы. Именно этим, на взгляд Мида, и было бы прошлое «как таковое»: обуславливающей фазой природного процесса, превращенной в метафизическую субстанцию. Поиск такой субстанции не исключается для тех, кого она может интересовать. Но ученому-исследователю нет никакого дела до такого рода вещей.

Таким образом, мы, видимо, открыли в самом временном переходе уникальный вид относительности и множество того, что мы описываем теперь как «временные перспективы», или «системы». Каждая такая система задается временным центром, из которого организуется ее связь с прошлыми событиями, и различаются они прежде всего тем, что то, что будет внешним, контингентным и, следовательно, «эмер-

джентным» для одной из таких точек зрения, будет «вытекать из» и, следовательно, отражаться в прошлом другой. Как связаны друг с другом такие перспективы, и как происходит переход из одной в другую? Ответ на этот вопрос можно дать только тогда, когда мы разберемся в природе относительности и ее социальных импликациях.

3

С точки зрения Мида, в наиболее критической своей форме проблема относительности проявляется в теории физической относительности. Его внимание, как заметит даже самый случайный читатель, приковано главным образом к «пространству-времени Минковского». Проблема явлена здесь в характерной форме, и что бы мы ни думали по поводу ее решения, она ставит вопрос, с которым неизбежно сталкиваются философы, работающие над этой темой. Что сделала, по всей видимости, теория относительности, так это подорвала существовавшую для научного исследования верховность мира материальных объектов, в терминах которого привыкла верифицировать свои теории экспериментальная физика. Этот мир, как доказывает Мид в первом дополнительном очерке, никоим образом не есть мир чувственных данных или частных впечатлений. Это мир твердых макроскопических объектов, которые можно измерять и с которыми можно обращаться сообща, – объектов,

в которых при меняющихся условиях можно идентифицировать постоянные и относительно обособляемые характеристики, переходя главным образом от зрения к осязанию, от дистанционных к контактными ценностям в том, что Мид называет «областью манипулирования». Верность Лавджоя свойствам, которыми обладает объект «в своих пространственно-временных пределах», дает красноречивое свидетельство той значимости, которую придают таким сущностям здравый смысл и его эпистемологические пророки. Это конечные, стандартные свойства в том смысле, что они дают неоспариваемые критерии, с которыми могут быть сверены сомнительные части опыта. Конечно, эпистемология, делающая проблемой весь опыт, найдет эти факторы такими же сомнительными, как и прочие, но ученого-исследователя эти соображения не сильно заботили. Его «материализм» был не безрелигиозной метафизикой, а экспериментальной опорой на контактные ценности в измерении. Если они тоже «всего лишь относительно» и имеют силу лишь относительно чего-то другого, что само по себе никогда не может быть схвачено в эксперименте, то, видимо, мы разместили наш физический стандарт надежности явно вне материального мира. Прагматист вряд ли сможет обойти вниманием такой кризис.

Так вот, Миду представляется, что именно это и сделала доктрина пространства-времени, воспринятая в простом и реалистическом смысле. Она подрывает авторитет материального объекта и его место в научном эксперименте, не ста-

вя на его место ничего осязаемого. Свидетельства этого творяки. (а) Разрушается различие пространства и времени. А для обычных материальных объектов это различие существенно. «Меж тем с точки зрения относительности никакой физический объект не может быть изолирован от того, что с ним происходит» (с. 186). В нем нет постоянства, независимого от его изменений. Опять же, (б) ценности, которые придаются новому физическому объекту, не совпадают с теми, которыми материальный объект может обладать сам по себе; они сущностно относительны. «Энергия, как и пространство-время, – преобразовательная ценность» (с. 189). Это означает, что свойства, через которые мы прежде идентифицировали наши удостоверяющие объекты, не постоянны, а изменчивы, и «метафизический вопрос стоит так: может ли вещь, обладающая меняющимися пространственно-временными и энергетическими параметрами, быть тождественной при разных параметрах, когда у нас есть, по-видимому, только эти параметры, по которым вещь можно определить?» (с. 121). Физика в прошлом довольно часто приписывала минимому неотъемлемым качествам сугубо относительный статус, но здесь все в корне меняется. Ибо (в) больше невозможно интерпретировать дистанционные ценности в терминах возможного контактного опыта или считать свойства, которые вещь имеет *там, где она есть*, уникально ее характеризующими. Пространственные и временные ценности, коими объект обладает на расстоянии в условиях относительного

движения, не будут даже в идеале тождественны ценностям, которые показало бы его измерение в его локальных пространственных и временных единицах. Не можем мы и просто скорректировать дистанционные ценности – данные нам через сигналы – ценностями, которые открыл бы покоящийся на самом теле наблюдатель. Ведь его расчеты выходят точными только тогда, когда он вменяет нам замеренные ценности, которые были бы опровергнуты опытом в нашей манипуляторной области, т. е. при наших локальных временных и пространственных стандартах. Таким образом, в теории относительности дистанционный опыт, выраженный в световых сигналах, начинает обретать самостоятельную ценность, не сводимую к контактному, или локальному, ценностям. Об этом отзывались с энтузиазмом Бруншви́г и с подозрением – Бергсон, приходящий к заключению, что приписываемые времена, определяемые на расстоянии, реально вообще не принадлежат их объектам.

М-р Мид не делает такого негативного вывода. Он довольствуется тем, что следует теории, куда бы она ни повела, и принимает пространство-время за все, что бы ни находил в нем ученый, в противоположность метафизику. Значит ли это, что нам надо истолковать измеряемые ценности физических объектов как «субъективные» и установить вне опыта, в котором мы измеряем и манипулируем, новый объект, состоящий в таком же отношении с первичными качествами, в каком первичные традиционно состояли со вторичными? Про-

странство-время было бы тогда своего рода ослабленным материальным объектом без материальных свойств. Альтернативой был бы пересмотр всей связи опыта с его «реальными», или стандартными объектами, по отношению к которой проблема, касающаяся пространства-времени, является лишь частным случаем. Такой пересмотр и является вкладом м-ра Мида в горячо обсуждаемую тему относительности. Характер его вклада лучше всего могут проиллюстрировать примеры, почерпнутые, во-первых, из известного типа социального взаимодействия, который будет служить моделью для всего объяснения, во-вторых, из физической области, где нормально функционировала научная верификация, и, наконец, из самой теории относительности. В каждом случае надо показать, что корректировка и организация относительных опытов в терминах «реальных» объектов, к которым они отсылают, предполагают не неэмпирическую реальность, которой они должны как-то соответствовать, а скорее способ действовани^я, который связывает прошлое и будущее с настоящим с точки зрения, или перспективы, его самого широкого социального значения.

В обыденном социальном опыте существует значительная разница между тем, что человек *имеет*, и тем, чем он *владеет*. Обладание может на девять десятых состоять из закона, но никогда не состоит из него целиком. Между тем этот дополнительный факт, добавляющийся к простому обладанию, не может быть воплощен в сугубо эгоцентрическом опыте;

он предполагает соотнесенность с такими правами, которые были бы признаны в суде. Права собственности являются объектами наличного опыта постольку, поскольку любой индивид обзирает свою ситуацию как владелец в связи с правами других и требованиями закона и соответственно реагирует. Чтобы понять неявные смыслы своего поведения с этой точки зрения, он должен видеть их так, как видят их другие, и должен, как следствие этого, прийти к принятию социально объективной установки относительно собственного поведения. Значения, которые придает опыту эта связь, – реальные и важные факты. Но они возникают только для индивида, который, как выразился бы Мид, может реагировать на собственные реакции в роли других и принять достигнутую тем самым точку зрения как авторитетную для направления его собственной деятельности.

Итак, «принять роль другого» – значит увидеть весь опыт в новом контексте, в терминах того, что он означает или предвещает относительно объектов – или целей (objectives), – которые эта точка зрения определяет как центральные. Чем шире такая точка зрения охватывает прошлое и будущее, тем больше она будет трансформировать опыт в субстанцию вещей чаемых и свидетельство вещей невидимых и тем больше она в первую очередь будет просвещать действие, давая настоящую релевантность и ценность явлениям (occurrences), не данным буквально в непосредственном опыте. Обычная функция стандартных объектов состо-

ит в том, чтобы опосредовать действие, внося в круг осознанного отбора альтернативы, которые только эта более широкая точка зрения может охватить. Процесс приноровления, посредством которого ребенок учится играть различные роли в социальной ситуации и в конечном счете оценивать себя как ответственное лицо в свете ценности, которую придали бы его поведению другие и которую его сознание, действуя в их лице, принимает теперь как авторитетную, очерчен в последнем очерке. Это ключ ко многому из того, что является в предыдущих очерках наиболее трудным и наиболее оригинальным.

Во втором очерке содержится попытка распространить это описание объективности как «принятия роли другого» на наше познание физических объектов. Требования ситуации – если здесь подойдет такая аналогия – будут следующими. 1. Подлежащее объяснению значение должно быть таким, каким индивидуальный опыт не мог бы обладать сам по себе, или в своей непосредственности; оно должно возникать из взаимодействия с внешними силами. 2. Тем не менее для индивида должно быть возможно проводить в опыте различие между тем, что является просто его собственным вкладом, и тем, что, в свою очередь, может быть идентифицировано с действием другой стороны транзакции. Чтобы реагировать в роли другого, он должен быть способен идентифицировать некоторую собственную активность, через которую и в терминах которой он может действовать в своем лице. 3.

Точка зрения, которой он таким образом достигает, должна стать в опыте настолько авторитетной, что значения, принимаемые данными в связи с ней, будут показателем их объективной ценности. 4. Наконец, опыт, опосредованный такими значениями, будет включать прошлое и будущее, тем самым вводя в настоящее условия и последствия альтернативных реакций, между которыми индивид должен выбирать. Ввести условия действия в сферу сознательного обдумывания так, чтобы мы могли направлять поведение в соотношении с ними, – задача всего этого развития.

В нашем познании физических вещей мы можем проследить каждый из этих факторов. 1. Отличительная природа физической вещи – «обладание внутренностью», по словам Мида, – не является характеристикой, которую может открыть наш опыт, взятый в индивидуальном аспекте. Например, мы не открываем вначале внутренность собственных тел и не интерпретируем затем других по этой аналогии. Тело известно как физическая вещь только в связи с другими физическими телами. «Генетически ребенок продвигается от периферии к своему телу» (с. 162). 2. Именно переживание сопротивления приносит необходимую внешнюю референцию. Толкая вещи или сопротивляясь им, организм может считать собственную активность идентичной по роду воздействию вещи на него. Действие и противодействие равны и противоположны. Таким образом, сопротивляясь вещи, мы ведем себя по отношению к ней так, как она ведет

себя по отношению к нам. «Внутренность» физической вещи – то, чем она является сама по себе и в собственном лице, – есть то, что мы находим в контактном опыте, в «манипуляторной области». В случае цвета, звука и т. п. нет такой устойчивой тенденции приравнивать вещь к ее воздействиям в опыте. 3. Теперь, если мы допускаем, что реальную и стандартную природу опыта составляет то, каким он был бы с точки зрения такого контактного опыта, т. е. каков он в собственных пространственно-временных пределах, то мы можем судить соответственно о его более непосредственных аспектах. Именно в подведении к объекту, как он существует там, где он есть, обретает значимость контактный опыт. Здесь мы имеем опорную точку, реляционный фокус значений, который, если мы действуем в роли физической вещи, становится авторитетным в противовес другим перспективам, или точкам зрения. «Реальные» форма и размер, например, в «манипуляторной области» определяются точнее, чем их можно было бы определить на расстоянии. На мой взгляд, есть некоторая двусмысленность в употреблении м-ром Мидом термина «сопротивление» как применительно к осуществлению контактного опыта как такового, так и применительно к авторитету, который приобретают такие контактные ценности в направлении или торможении наших реакций на вещь. Но главная его мысль понятна. Наш опыт вплетен во множество контекстов. Тот из них, который мы принимаем в качестве стандарта, будет определять на-

правление активности и ее значения. Именно в ВИдении мира, каким он был бы для полностью осуществленных ценностей вещиности, этот стандарт фактически и претворяется. 4. Способность человека-животного открывать такие значения преобразует наличный опыт в мир объектов, чьи потенциалы являются возможностями действия. Область такого действия как раз и объясняет, и обосновывает ту трансцендентность непосредственности, которую эпистемологи так часто подчеркивали, но так редко понимали.

Применить все это к теории относительности теперь сравнительно легко; читатель найдет это применение в четвертой главе и в менее сложном виде в четвертом очерке, где оно изложено довольно прямолинейно. Опять же мы имеем относительные ценности, и если Мид прав, то они сущностно социальные в том смысле, что содержат смысловую референцию к тому, что существует вне «временной системы», в которой они учитываются. Опять же есть поиск чего-то идентичного, что позволило бы индивиду «принять роль другого» и интерпретировать опыт не только с собственной точки зрения, но и с точки зрения, скажем, человека на Марсе. Однако здесь масштаб генерализации явно увлекает нас за пределы физического объекта и его ценности сопротивления. Мы оказываемся в царстве «генерализованного другого», установки, позволяющей нам переходить от любой физической перспективы к любой другой, занимая каждую – или любую из них – в этом переходе и идентифицируя в каждой только

то, что фактически идентично; и эта формула оправдывает переход из одной перспективы в другую. Итак, мы имеем в пространстве-времени не любопытный и недостижимый новый род объекта, а генерализацию той социальной объективности, которая расширяет нашу общую способность видеть себя так, как нас видят другие, включая в нее взгляды наших звездных соседей. В этом контексте значения имеет свой локус и свою функцию мир пространства-времени. И его важность вовсе не дискредитирует физический объект, когда последний видится в собственных пределах. Выводы научных исследований не должны дискредитировать объекты, с которыми они работают и через которые их выводы проверяются. Но если пространство-время понимать не как метафизического господина над физическим объектом – не как «реальность», лишь «тенью» которой является его относительное бытие, – а как дальнейшее развитие «сообщества интерпретации», ограниченным, но ценным выражением которого является сам физический объект, то они вполне совместимы. Тогда мы можем принять теорию относительности как фазу – не обязательно, конечно, финальную – того процесса, посредством которого человек достигает социальной объективности через организацию относительных перспектив.

4

Теперь мы готовы к самому смелому новшеству в этой

теории. Может ли социальность – до сих пор рассматриваемая в специфически человеческом ее аспекте – быть генерализирована так, чтобы охарактеризовать весь ход естественного развития? Мы обнаружили, что относительность в природе проявляется в перспективах, предполагаемых эмерджентностью. И, видимо, требовалась некоторого рода организация таких перспектив. Если бы это переприспособление оказалось – на всех уровнях развития – некой формой социальности, то нам удалось бы связать социальность со всем временным процессом и вернуть разум во всем объеме назад в природу. Таким образом, конечная задача Карусовских лекций – «представить разум как эволюцию в природе, в которой находит наивысшее развитие социальность, являющаяся принципом и формой эмерджентности» (с. 127). Эта окончательная гипотеза, насколько я могу судить из разговоров с м-ром Мидом, обрела форму только в ходе написания лекций. Она остается самой впечатляющей и, в том виде в каком мы ее находим, самой трудной частью его философии.

Социальность эмерджентности и происходящая через эмерджентность эволюция социальности к более высокому и более сложному объективному выражению – параллельные темы в этой гипотезе.

а. В каком смысле эмерджентность социальна? В эмерджентности присутствует, как и в теории относительности, множественность «систем», т. е. отдельных точек зрения, и следствием этого является то, что «один и тот же» объект

должен находиться в нескольких разных системах сразу. Система физических связей – одна из них, с собственной организацией опыта; система витальных связей включает в качестве существенных элементы, с чисто физической точки зрения внешние и контингентные. Ни одну из них нельзя свести к другой, поскольку витальная реально эмерджентна и дополнительна к чисто физической, а физическая, в ее научном понимании, определяется исключительно связями, в которых уникально органическим чертам мира нет места. И все же живое животное принадлежит к обоим порядкам связи и пребывает сразу в обеих «системах». Сознание дополняет чисто органическое поведение и несводимо к нему, тем не менее ощущение является органическим событием и в то же время предполагается в той системе значений, которая, объективируя возможную будущую деятельность организма, составляет отличительно сознательный аспект опыта.

Социальность – это «ситуация, в которой новое событие находится одновременно в старом порядке и в новом, возведенном его пришествием. Социальность – это способность быть несколькими вещами сразу» (с. 92). Но в своем динамическом аспекте она есть нечто большее. Новое событие должно не просто пребывать в двух системах; оно должно отрегулировать эту множественность системных связей так, чтобы «присутствие вещи в последующей системе меня[ло] ее характер в предшествующей системе или системах, к которым она принадлежит» (с. 111), в то время как ее старые

связи отражались бы в новой системе, в которую она вошла. Она переносит с собой старые связи, но все же в своей эмерджентной новизне отражает уникальность своей новой ситуации на старый мир. «Так, Руссо пришлось обнаружить в гражданине суверена и подданного, а Канту в рациональном существе – издателя нравственного закона и того, кто этому закону подчинен» (с. 95). И, стало быть, дабы довершить картину, монархическая система, из которой возникли гражданин Руссо и рациональное существо Канта, никогда не смогла бы вновь быть той же самой после их пришествия. Переприспособление нового социального порядка к старому – того, который переносился, к тому, который возник, есть «социальность» в самом общем смысле. То, что она тесно смыкается с «реконструкцией» опыта при вторжении новых элементов, описанной в параграфе II, будет очевидно.

Теория относительности оказалась согласующейся с «социальностью» в более узком смысле. В третьей главе м-р Мид пытается подвести ее под полученную им теперь более общую формулу. «Эмерджентным» здесь будет то, что появляется только для какой-то особой перспективы, или «временной системы», и является дополнительным к тому идентичному «перенесению связей», которое выражено в пространственновременной структуре, общей для всего множества таких перспектив. Движение соотносится с отобранной временной системой, и рост массы, вытекающий из увеличения скорости, будет происходить только там, где происхо-

дит требуемое движение. И это «эмерджентное» движение изменяет физическое свойство объекта – его массу – в той временной системе, в которой оно происходит. Эта аналогия представляется м-ру Миду настолько очевидной, что он истолковывает более ортодоксальные случаи «эмерджентности» в терминах этого. «Эмерджентная жизнь меняет характер мира так же, как эмерджентные скорости меняют характер масс» (с. 108).

Итак, тело, движущееся в одной временной системе, столь же истинно покоится в альтернативной системе; оно находится в одной настолько же, насколько и в другой. И его свойства в любой из них адекватно схватываются лишь тогда, когда мы понимаем его состояние в другой. Так, релятивист может объяснить сжатие Фицджеральда и его физические последствия, лишь приняв допущение, что физически достоверные результаты, достигаемые в альтернативных временных системах, в целом не будут совпадать и что каждый из них, следовательно, должен видаться как относительный, как требующий признания, как одинаково правомерный среди его альтернатив. В этом смысле, когда физик должен быть способен поместить себя в любую из перспектив, теория реально приближается к очерченной всеохватной форме социальности, и возрастание в массе можно приводить как «крайний пример социальности» (с. 95). Чтобы понять это возрастание как относительное, как зависящее от особой временной системы и «эмерджентное» для пространства-времени

как такового, мы должны видеть данное событие как в системе, в которой это возрастание происходит, так и в системе, в которой его не происходит, и рассматривать это событие как подлинно являющееся членом каждой.

Когда Мид идет дальше и утверждает, что действительное измерение возрастания массы в одной системе требует использовать в этой системе пространственные и временные значения, почерпнутые из альтернативной системы (с. 95 и дальше), и, следовательно, что эти две системы «перестают быть альтернативами» (с. 97), обсуждение становится очень запутанным и, если я не понял его превратно, кажется мне ошибочным. Думаю, вряд ли он мог желать сохранить его в его нынешней форме. Между тем основной тезис не обязательно подрывается неадекватностью его детального применения. А основной тезис таков: внезапность эмерджентного процесса отражается в множественности реляционных систем, неустранимо различных, но при этом настолько взаимно предполагаемых в «протекании» (passage), что объект, принадлежащий двум таким «системам» сразу, будет приносить в каждую из них свойства, которыми наделено его присутствие в другой. Процесс переприспособления, в котором объект удерживается в каждой системе через бытие также в другой, и есть социальность.

б. Как социальность эволюционирует? Поскольку м-р Мид полагает, что «появление разума – лишь кульминация той социальности, которая обнаруживается во всем миро-

зданий» (с. 128, 129), то он, естественно, проводит различие между общим принципом этой формы эмерджентности и особым отличительным качеством, которого она достигает в том, что мы знаем как наивысшее ее выражение. С общим принципом социальности мы теперь знакомы. Отличительный характер разума, или сознания, лучше всего виден в противопоставлении его простому органическому поведению, из которого он возник. «Прежде всего живые формы реагируют на внешнюю стимуляцию таким образом, чтобы сохранить жизненный процесс. Особым методом, отличающим их реакции от движений неодушевленных объектов, является отбор. Отбор обусловлен восприимчивостью живой формы... Сознательное животное вносит отбор в область своего реагирования... Жизнь становится сознательной в тех точках, где собственные реакции организма входят как часть в то объективное поле, на которое он реагирует» (с. 113, 114).

Что значит реагировать на собственные реакции, мы уже увидели. Связями, в которых среда состоит с нашими реакциями, являются ее значения. Реагировать на такие значения, обращаться с ними, а не просто с непосредственными данными как стимулами для поведения, – значит внести в мир, как он переживается в опыте, обещание будущего и урок прошлого. Значения – самая суть того, чем объект реально является, и, видя его через призму его значений, реагируя на то, что он может нам сделать в решающих или стан-

дартных условиях, мы вносим органические ощущения в новый и эмерджентный контекст. Человеческий индивид жив, а также сознателен. Его сознательное поведение организует его ощущения, являющиеся сами по себе просто органическими реакциями, в качества и значения вещей. Это новое место в системе значений изменяет значимость ощущения. И все же такое поведение зависит от жизненных взаимодействий, из которых оно возникло, и эта зависимость мысли от ощущения переносит в сознательную систему отражение ее органических условий. Реагируя на значение своих ощущений, индивид находится сразу в обеих системах.

Высший уровень осознанного опыта – конечно, тот, в котором индивид может постичь значения в их наиболее полной общности и за счет этого распоряжаться столь широким многообразием точек зрения на свой мир, что это позволяет ему выделить ту из них, которая является общей для всех и, следовательно, будет в силе для каждого рационального индивида. Это роль «генерализованного другого», а значения, находимые в мире науками, – те самые значения, которые будут открываться такой безличной точкой зрения. Тем не менее именно в этой безличности точки зрения индивид становится «персоной» – реальным членом сообщества рациональных существ. Чтобы участвовать в жизни сообщества, он должен видеть себя в качестве участника и реагировать на его права и обязанности как на свои собственные. В его лице он может обозревать «перспективы», порождаемые индиви-

дуальными установками, и связывать их с требованиями общей задачи, в которую все они в равной степени втянуты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.